

«Утверждаю»

Проректор МГУ имени М.В. Ломоносова,

Начальник Управления научной политики

и организации научных исследований МГУ

профессор А.А. Федянин

Рудин

«17» октября 2016 г.

Отзыв ведущей организации

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки» (МГУ ИСАА) о диссертации Терехова Антона Эдуардовича на тему: «Представления о совершенных мудрецах (*шэн*) в китайских апокрифах (*чэньвэй*) эпохи Восточная Хань (25–220 гг. н.э.)», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»

Работа Антона Эдуардовича Терехова посвящена рассмотрению эволюции существовавших в эпоху Восточная Хань (25-220 гг. н.э.) представлений о совершенных мудрецах (*шэнах*) на основе изучения сообщений письменных сочинений в жанре *чэньвэй*, которые диссертант переводит как «апокрифы» или «апокрифические тексты». Исследование представляет собой первую попытку всестороннего анализа данных произведений как источников по истории этого уникального явления в политической идеологии империи Восточная Хань. Обращает на себя внимание большой объем изученного материала и стремление рассмотреть предмет своего анализа системно в историческом развитии по отдельным эпохам. Такой подход является одним из неоспоримых достоинств работы.

По сути, автор решает два круга задач. Первый связан с анализом сочинений жанра *чэньвэй* как таковых и в качестве источников по идеологии, духовной культуре и идеологии Китая поздней древности. Второй – со всем, что связано с совершенными мудрецами, прежде всего с их «образом», а также с их местом в имперской идеологии, особенно применительно к образу носителя высшей власти Восточной Хань, которые объявлялись таковыми еще при жизни.

Как в отечественной, так в китайской и западной науке известны труды, в которых апокрифы рассматриваются сами по себе, но совершенные мудрецы (*шэн*), описаниям которых посвящена значительная часть этих апокрифов, крайне редко являются предметом специального изучения. В существующих работах, например, М. Э. Льюиса и М. Пьюэтта, образ совершенного мудреца и его эволюция прослеживается фрагментарно, материал о них рассматривается частично, зачастую исследователи затрагивают лишь одну из сторон.

На этом фоне работа А.Э. Терехова представляется в исключительно выгодном свете, поскольку в ней всесторонне рассмотрено понятие *шэн*, наглядно показано отличие образа совершенномудрого в идеологии и культуре Восточноханьского государства от других типов идеальной или божественной личности. А поскольку *шэн* — понятие многогранное, то работа совершенно справедливо носит комплексный характер, помимо приемов источниковедческого и исторического исследования автор обоснованно обращается к опыту культурологии и литературоведения. Этим определяется новизна данной работы.

Ее актуальность заключается в том, что, как справедливо пишет диссертант, *«в процессе формирования имперской идеологии, ... представления о совершенных мудрецах ... стали фактором политической практики, поскольку в качестве шэна начал восприниматься правящий монарх»* (с. 4). Этот момент представляется исключительно важным с точки зрения изучения истории и идеологии конкретных правлений восточноханьских императоров. Этот тезис ставит еще одну исключительно актуальную для изучения поздней древности в истории Китая задачу: исследование политической истории восточноханьской империи. Ведь очевидно, что идеология как таковая по отношению к политическим процессам есть явление вторичное.

Актуальность работы и в том, что восточноханьский период это не просто один из наименее изученных периодов китайской истории, а это именно наименее изученный период, и не только в отечественной, но и в западной историографии тоже.

Диссертация имеет целостную структуру. Она состоит из введения, трёх глав, заключения и пяти приложений. Во введении автор обосновывает актуальность выбранной темы. Цели и задачи исследования сформулированы чётко. В первой главе диссертант знакомит читателя с основными источниками, он подробно рассматривает историю корпуса текстов *чэньвэй*, прослеживает процесс его становления, выделяет основные темы, которые затрагиваются данными текстами. Помимо этого, он пытается проследить влияние идей апокрифов на произведения, создававшиеся с I по V вв. н. э., отмечая как «отголоски» их влияния, так и прямые заимствования.

Во второй главе диссертации А.Э. Терехов обращается к анализу развития образа совершенных мудрецов (*шэн*), прослеживая этапы его формирования в апокрифической традиции и в официальном историописании. Также предметом рассмотрения являются особенности понимания *шэнов* в различные исторические периоды.

В третьей главе диссертант раскрывает специфические элементы образа совершенных мудрецов в апокрифической традиции, рассматривая такие представления о них как их божественное происхождение, удивительную внешность и благие знамения. Соискатель не просто приводит большое число примеров, соединяя уже известные факты, но отыскивает взаимосвязи внутри традиции, показывает становление и эволюцию образа совершенных мудрецов (с. 61–136).

Вполне закономерно, что разбору самого образа *шэнов* диссертант посвящает значительное место в своём исследовании, рассматривая такие стороны как чудесное рождение (с.137-159), удивительную внешность (с.160-176), благие знамения (с.177-185). Автор делает очень важный вывод о том, что эти три сюжета в известных сейчас мифах, которые взяты из источников поздней древности, восходят отнюдь не к древним пластам мифологии, а *«были сочинены, как я стараюсь показать ниже (см. §3.1.2), в I в. до н. э. – I в. н. э. в процессе создания апокрифических текстов»* (С. 148).

Благодаря проведённому анализу вырисовывается чёткая картина изменения восприятия образа *шэна* на протяжении более чем тысячи лет китайской истории. Анализ проводится не только на основании корпуса *чэньвэй*, но рассмотрению подвергается и предшествующая формированию апокрифов традиция. Эта глава написана с использованием литературоведческих методов.

В заключении автор формулирует основные выводы. Приложения к данной диссертации также посвящаются анализу различных аспектов, так или иначе связанных с образом совершенных мудрецов. Первое приложение диссертант посвящает исследованию мифов о чудесных рождениях совершенных мудрецов, содержащихся в апокрифических текстах и в тех трудах, которые были созданы под их влиянием. Во втором приложении А.Э. Терехов раскрывает проблему отношения к подобным мифам в Китае в эпоху Хань. В третьем приложении диссертант рассматривает то, как писали о чудесной внешности совершенных мудрецов в эпохи Чжаньго и Западной Хань, а четвёртом приложении рассматривает эти же описания на материале апокрифических текстов. В последнем, пятом, приложении диссертант пытается проследить развитие традиции благих знамений в эпоху Западной Хань. Нельзя не обратить внимание и на обширную, весьма представительную библиографию.

Следует отметить успешную реализацию заявленных исследовательских задач и полное соответствие им выводов.

Представленную для рассмотрения работу отмечает скрупулёзный анализ большого числа письменных произведений, который неизменно сопровождается переводом соответствующих фрагментов. Тем самым А.Э. Терехов вводит в научный оборот еще малоизученные в отечественном китаеведении источники.

Сильной стороной работы А.Э. Терехова является то, что на страницах своего исследования он не просто концентрирует внимание на описании образа *шэнов*, но и рассматривает традицию, которая сформировалась до возникновения жанра апокрифов. В диссертации затронут ряд проблем, которые могут стать темами отдельных исследований. Например, требует дальнейшего изучения отмеченное соискателем несколько противоречивое отношение выдающегося восточнотаньского мыслителя Ван Чуна (27-104 гг.) к апокрифическим сочинениям – несмотря на общую критическую направленность его труда «Лунь хэн» («Взвешенные суждения») в отношении сочинений этого жанра, которая проявилась в главе «В защиту творчества», апокрифические тексты составляют важную часть его культурного багажа.

Вместе с тем в работе имеются отдельные недостатки. Порою диссертант, увлекаясь, отходит от темы, вынесенной в название своей работы. Всё же, судя по заголовку, в ней в первую очередь должны быть проанализированы представления о совершенных мудрецах (*шэн*) в китайских апокрифах (*чэньвэй*) именно эпохи Восточная Хань (25–220 гг. н.э.), но, по сути, мы имеем дело с развернутым анализом не только представлений о совершенных мудрецах, но и истории становления всего корпуса *чэньвэй*, а также многих аспектов, так или иначе связанных с ними.

Цель работы – в изучении идеологии этой империи. Но идеология идет рука об руку с политикой и от политики, то есть политической истории, трудноотделима. Понимание особенностей политического процесса может внести коррективы и в интерпретацию того сложного явления, которое рассматривается в диссертации. Анализ политической истории не входит в задачи диссертации, но сам текст диссертанта показывает, насколько сейчас актуально обращение к изучению политической истории. Ведь сфера идеологии не существует вне политической борьбы и служит для достижения различных политических целей, например, для повышения эффективности управления, укрепления авторитета высшей власти и пр.

При чтении диссертации становится заметно, что история как таковая Восточной Хань в существующей историографии изучена еще далеко не достаточно. И это неизбежно порождает некоторые неточности в интерпретации исторических фактов. Например, на стр. 24 автор пишет: *«Одним из известнейших примеров такого рода ситуации можно*

считать переписку Гуанъу-ди с региональным лидером Гунсунь Шу (7 г. до н. э. – 36 г н. э.), также претендовавшим на престол». Нужно сказать точнее, Гунсунь Шу являлся именно императором, поскольку имел титул *ди* (император), власть которого распространялась на земли Ба и Шу, то есть весь исторический регион Верхняя Янцзы (совр. Сычуань). Такая неточность возникает, потому что Гуан-уди воспринимался в последующей историографической традиции единственным легальным императором, но на самом деле на протяжении нескольких десятилетий (!) одновременно сосуществовало несколько императоров. Напомним, что он вел борьбу с другими представителями рода Лю и членами ряда других родов с 26 по 37 гг. То есть именно Гуанъу-ди в конце концов одержал победу и стал единовластным правителем Китая, поэтому все письменные источники были созданы уже с опорой на это. Из сказанного становится ясно, что потребность в том, чтобы объявить именно этого императора еще и совершенномудрым, возникла не случайно. В условиях, когда одновременно в различных районах Китая правил несколько императоров, было необходимо объяснить, почему победа досталась именно Гуанъу-ди.

Масштабность темы, охватывающей большое число источников нескольких различных эпох, приводит иной раз к зависимости от точек зрения других исследователей и недостаточной обоснованности собственных выводов. Например, утверждение о «периферийности» термина «совершенная мудрость» *шэн* в *Луньюе* только на основе его частотности, а также «неустоявшегося и несистематичного» его использования (с. 64). Или, например, положение о способности каждого человека стать *шэном* А.Э. Терехов почему-то связал, прежде всего, с трудом *Сюнь-цзы* (с. 89), тогда как впервые это не только наиболее ясно сформулировал, но и постарался обосновать *Мэн-цзы* (см. «Мэнцзы», 12.2 и др.).

Говоря, что представления о *шэнах* играли большую роль в официальной идеологии Восточной Хань, автор применительно к самим восточноханьским императорам, за исключением первого императора Гуанъу-ди, его не рассматривает. Из остальных восточноханьских государей, которых было не меньше двенадцати, он упоминает еще только двух (Мин-ди и Чжан-ди), но и то в иных контекстах. По сути же значительная часть работы посвящена становлению представлений о монархе как *шэне* в период Западная Хань. Видимо, это стоило как-то отразить в заголовке работы или во Введении, поскольку данное явление, как показывает сам диссертант, было характерно уже для этого периода, а не только для Восточной Хань.

Некоторой «рыхлости» разделов в первой и во второй главах можно было бы избежать, если бы автор ввел внутренние подзаголовки, как он сделал в третьей главе.

Вызывает удивление настойчивое стремление автора вставлять иероглифы после слов, которые в этом совсем не нуждаются, поскольку являются общеизвестными и не несут никакой смысловой нагрузки, например, после названий периодов китайской истории (Цинь, Хань и др.), после упоминаний названий столиц (Лоян, Чанъань и пр.), имен хорошо известных исторических персоналий (Лю Бан, Кун-цзы), при повторении фамилий или имен (Гунсунь).

Автор очевидно злоупотребляет использованием слова «текст», которое у него является синонимом понятий: «сочинение», «произведение», «письменный памятник». В то время как в текстологических исследованиях принято использовать его как технический термин и говорить: «текст произведения», «структура текста».

Несколько странным выглядит сочетание перевода названий одних эпох (Западная Хань) с транскрипциями других: *Лючао* (букв. «Шесть династий»), например, на стр. 207.

В Заключении имело смысл по пунктам сказать, ответы на какие вопросы из числа поставленных во Введении удалось получить.

Указанные замечания не умаляют ценности проведённого соискателем исследования. Это серьёзный научный труд, в котором ставится ряд новых проблем и предлагаются варианты их разрешения. Автор продемонстрировал навыки решения сложных исследовательских задач, хорошее знание современной историографии, показал умение использовать различные методы исторического, источниковедческого и текстологического анализа, а также великолепное владение навыками перевода с древнекитайского языка.

Значимость результатов, полученных автором диссертации, для науки велика, поскольку в ней раскрывается ряд важных для классической синологии аспектов — ввод в научный оборот новых источников и новых представлений об одной из ключевых сторон официальной идеологии Восточной Хань, самого крупного государства древнего мира своего времени, как последней империи древности, а также раскрытие новых сторон традиционной китайской культуры, связанной с образом совершенных мудрецов (*шэн*). Столь мощная попытка изучения ключевого элемента идеологии этой империи дает возможность в дальнейшем совместить полученные выводы с системным изучением политической истории. Тогда представления об этом важнейшем этапе древнекитайской истории примут комплексный характер.

Материалы исследования в дальнейшем будут полезны не только историкам, но и исследователям истории китайской литературы, культуры и общественной мысли. Благодаря системности подхода автора, результаты и выводы диссертации могут широко использоваться в

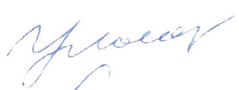
учебном процессе при подготовке китаистов в различных учебных курсах как в рамках преподавания классических дисциплин (история страны, история китайской литературы в периоды древности и средних веков, истории общественной мысли и т.п.), а также в рамках дисциплин, связанных с изучением современного Китая, прежде всего при рассмотрении особенностей становления современной идеологии КНР и политической культуры этого государства. Переводы фрагментов классических произведений, выполненные автором, его интерпретации слов и выражений могут использоваться при преподавании древнекитайского языка.

Диссертация и автореферат написаны хорошим языком и не выходят за пределы сложившегося в современной российской культуре научного стиля.

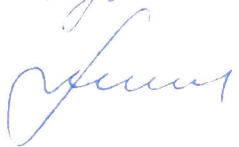
Основные выводы соискателя обоснованы, грамотно оформлены в структурно-содержательном плане и не вызывают возражений. Содержание автореферата полностью соответствует содержанию диссертации и содержанию опубликованных работ, представленная работа полностью лежит в рамках научной специальности диссертанта. Она является вполне завершённой научно-квалификационной работой и отвечает п. 7 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842; содержание работы отражено в публикациях автора, в том числе – в рецензируемых научных журналах; автор, Терехов Антон Эдуардович, заслуживает присуждения ему искомой учёной степени кандидата исторических наук, представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Отзыв ведущей организации, составленный кандидатом исторических наук, доцентом М.Ю. Ульяновым, обсужден и одобрен на заседании Кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (протокол № 185-1 от 11 октября 2016 г.).

Заведующий Кафедрой
китайской филологии
к.и.н., доцент

 М.Ю. Ульянов

Секретарь

 М.В. Милеева

Подписи доц. М.Ю. Ульянова и М.В. Милеевой заверяю:
И.о. заместителя директора ИСАА МГУ
по научной работе, к.и.н.

 В.Е. Смирнов

Сведения о ведущей организации

по диссертации Терехова Антона Эдуардовича на тему: «Представления о совершенных мудрецах (*шэн*) в китайских апокрифах (*чэньвэй*) эпохи Восточная Хань (25–220 гг. н.э.)», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»

Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»
Сокращенное наименование организации в соответствии с уставом	МГУ имени М.В.Ломоносова
Полное наименование кафедры	Кафедра китайской филологии
Почтовый индекс, адрес организации	125009, г. Москва, ул. Моховая 11, стр. 1.
Веб-сайт	http://www.msu.ru
Телефон	8 (495) 629-41-83
Адрес электронной почты	chinaphil@iaas.msu.ru
Список основных публикаций работников структурного подразделения, составляющего отзыв, за последние пять лет по теме диссертации (не более 15 публикаций).	1. Барабошкин К.Е. Некоторые проблемы литературной теории Ван Чуна (I в.н.э.) в трактате "Весы суждений" (красота, истина, природа и естественность) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки, 2016, № 2. С. 138-140. 2. Барабошкин К.Е. Литературная мысль Ван Чуна. Глава «О превосходстве и необычности» из трактата «Весы суждений» // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 3, с. 87-90 3. Семененко И.И. К проблеме изучения китайской герменевтики // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 ап-

	реля 2015 г.). М., С. 279-281 5. Семенов И.И. Китайская экзегеза как диалогический жанр // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 апреля 2015 г.). М., С. 152-154 6. Семенов И.И. Конфуцианская калокагатия // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 апреля, 2014 г.). М. С. 301-303 7. Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения <i>Чуньцю Цзочжуань</i>: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп. // XLI научная конференция Общество и государство в Китае. Ученые записки отдела Китая. Выпуск 3., М., 2011. С. 43-59. 8. Ульянов М.Ю. Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // Institutionis Conditori Илье Сергеевичу Смирнову. Orientalia et Classica Труды Института восточных культур и античности. Выпуск L. М., 2013. с. 317-336. 9. Ульянов М.Ю. Структура и содержание повествований в <i>Чуньцю Цзочжуань</i> («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”»): к характеристике исторической прозы в древнекитайской литературе // Проблемы литературы Дальнего Востока. Сборник материалов VI международной конференции. 25 по 29 июня 2014 г. Том. 2. СПб., 2014. 10. Ульянов М.Ю. Структура «комментирующего комплекса» <i>Чуньцю Цзочжуань</i> («Комментарий Цзо к <i>Чуньцю</i>»): соотношение «исторического» и «канонического» // Розенберговский сборник: во-
--	--

	стоковедные исследования и материалы. СПб., 2014. С. 248-270 11. Ульянов М.Ю. О понятии «культурная среда» и особенностях создания письменных произведений в период Чуньцю (771-453 гг. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 апреля 2015 г.). М., 2015. С. 281-283.
--	--

Проректор МГУ имени М.В. Ломоносова,
Начальник Управления научной политики
и организации научных исследований МГУ
профессор

А.А. Федянин

А.А. Федянин

«18» октября 2016 г.

М.П.

и.о. заместителя директора
по научной работе
И.С.А.А.

Смирнов В.Е.